*Ю. П. ЗАКРЖЕВСКАЯ**

РУССКО-ШВЕДСКИЕ ДОГОВОРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.

В статье рассмотрены русско-шведские договоры второй половины XV – первой половины XVI вв. Большинство из них пропало в результате войн, пожаров и простого человеческого пренебрежения. Об их существовании мы узнаём благодаря поздним описям и копиям. Сопоставление этих источников показывает, что наши знания неравномерно распределены в пользу договоров, хранящихся в Швеции, где традиция копировать документы была к XVI в. распространена больше. Кроме того, известные описи часто противоречат как друг другу, так и редким подлинным грамотам, дошедшим до наших дней. В связи с этим реконструкция комплекса договоров и их копий пока не выходит за рамки гипотезы. Анализ русско-шведских договоров демонстрирует, как в течение столетия менялись их писчие материалы, язык и содержание. Полученные результаты позволяют поднять вопросы о централизации процесса переговоров, налаживании дипломатического делопроизводства, изменении статусов участников переговоров и использовании прошлого в дипломатии. В статье также высказаны гипотезы относительно договоров, статус которых остаётся дискуссионным в историографии. Сведения об оригиналах, копиях и упоминаниях в описях собраны в одной таблице и помещены в приложении к статье.

Ключевые слова: русско-шведские договоры, архивы, дипломатическая история, Швеция, Московское государство.

Поступила в редакцию: 28.08.2025
Принята к печати: 27.03.2026

DOI: 10.7868/S0130086526020022

RUSSIAN–SWEDISH TREATIES OF THE SECOND HALF OF THE 15TH CENTURY – THE FIRST HALF OF THE 16TH CENTURY

The article examines the Russian–Swedish treaties of the second half of the 15th century and the first half of the 16th century. Most of them was lost as a result of wars, fires

* **Закржевская Юлия Петровна** – аспирант Европейского университета в Санкт-Петербурге (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: julietsokol@yandex.ru;
ORCID: 0009-0002-9900-330X.

Zakrzhevskaia Iuliia Petrovna – PhD student, European University at Saint Petersburg (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: julietsokol@yandex.ru;
ORCID: 0009-0002-9900-330X.

 © *Закржевская Ю.П.*

and neglect. We learn about their existence from later inventories and copies. The comparison of the sources reveals that our knowledge is mostly based on the materials from Sweden where the tradition of copying documents was widespread by the 16th century. Moreover, the inventories often contradict each other, as well as the rare original letters which have survived to the present day. In this regard, the reconstructed complex of treaties and their copies remains hypothetical. The analysis of the Russian-Swedish treaties demonstrates how their written materials, language and content changed over the course of a century. The obtained results allow us to raise questions about the centralization of the Russian-Swedish negotiation process, the development of diplomatic records, the change in the status of negotiation participants and the use of the past in diplomacy. The article also formulates hypothesis regarding the treaties with controversial status in historiography. Information about the original letters of treaties, their copies and mentions in the inventories is collected in the special table and included in the appendix to the article.

Keywords: Russian–Swedish treaties, archives, diplomatic history, Sweden, the Muscovite state

Исследуя связи России и Швеции в Средневековье и раннее Новое время, историки неизбежно обращаются к мирным договорам. Как правило, они опираются на публикации У. С. Рюдберга в сборниках «Sveriges traktater med främmande magter». Шведский ученый во второй половине XIX столетия собрал и прокомментировал почти все ныне известные соглашения с иностранными правителями до 1630-х гг.

За публикациями последовали специальные исследования соглашений между Швецией и Россией. Наиболее подробный обзор в 1940-х гг. сделала И. Фридлендер[1], исследование которой уже в 1970-х гг. развил Г. Шюк[2]. Шведские историки постарались собрать всю информацию из государственного архива (Riksarkivet). В то же время у них не было возможности использовать источники из русских архивов. Это стало серьёзным недостатком, так как привело авторов к ряду неверных выводов относительно статуса договоров. Так, И. Фридлендер посчитала договор 1504 г. неутверждённым, в то время как описи архива Посольского приказа свидетельствуют об обратном. Даже при наличии специальных обзоров публикация У. С. Рюдберга по-прежнему остаётся самым полным исследованием. Она учла документы российских архивов, но даже в ней встречаются неточности. В частности, У. С. Рюдберг привел фрагментарный перевод договора 1513 г., выполненный в XIX в., тогда как в архиве МИД находился полный текст[3].

Что касается отечественной историографии, то единственный обзор В. В. Похлебкина ограничивается неполным перечислением перемирий

---

[1] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning // Historisk tidskrift. 1946. H. 2. S. 97–138.

[2] *Schück H.* Rikets brev och register. Stockholm: LiberFörlag/Allmänna Förlaget, 1976. S. 86–102.

[3] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O.S. Rydberg. Stockholm: P.A. Norstedt & söner, 1895. D. 3. S. 578–577.

и военных конфликтов[4]. Например, В. В. Похлебкин пропустил соглашение 1504 г. Говоря о договоре 1497 г., он заявил: «ни в архивах, ни в хрониках не сохранилось данных о том, продлевался ли или перезаключался этот договор»[5]. По его мнению, следующие перемирные грамоты появились не раньше 1510 г. Тем не менее между 1497 и 1510 гг. шведские дипломаты дважды приезжали в Россию в 1504 и 1505 гг. для заключения договора.

Русско-шведские договоры интересуют историков преимущественно как источник для изучения политической терминологии того времени[6], изменения границы, статуса Ореховецкого договора и т. д[7]. На мой взгляд, необходимо систематизировать сведения о русско-шведских договорах 1468–1537 гг., в том числе об их количестве. Одно это даст возможность уточнить уже существующие исследования, а также судить о динамике отношений и о письменном оформлении мира между русскими и шведскими землями. Как известно, процедуры заключения соглашений могли быть разными. Различие между ними заключалось не только в наборе документов, но и в роли дипломатов при их составлении. Например, в некоторых случаях послы могли от своего имени составлять временно действительный документ[8]. Иными словами, уже процедура оформления может многое сказать о русско-шведской дипломатии.

По этой причине необходимо отличать оригиналы договоров от их копий и переводов. В публикации У. С. Рюдберга оригинальных текстов русско-шведских грамот нет, но исследователи об этом редко задумываются и пользуются публикациями как оригиналами. Более того, некоторые соглашения историки вовсе обходят стороной, так как их текст полностью утерян и не попал в издание У. С. Рюдберга. В настоящей статье я рассматриваю все известные тексты и упоминания русско-шведских договоров, чтобы хотя бы отчасти решить перечисленные проблемы. Оригиналом я считаю документ, заверенный печатями и подписями; копией – текст без корроборации, переписанный на том же языке, на котором был составлен оригинал; переводом – текст оригинала, написанный на другом языке без корроборации. Иногда встречаются копии переводов. Разумеется, пред-

---

[4] *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах и фактах. М.: Международные отношения, 1995. Вып. II. Кн. 1. С. 143–161.

[5] *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах и фактах. С. 154.

[6] *Лукин П. В.* «Весь господарь Великий Новгород» в германоязычных документах XV века // Slověne. 2023. Т. 12. № 2. С. 83–96; *Лукин П. В.* Ореховецкий договор 1323 г. между Новгородом и Швецией и древнерусская политическая терминология XIV–XV вв. // Средние века. 2024. Вып. 85. № 3. С. 86–107.

[7] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 103, 141.

[8] Подробнее о процедуре см. *Pape C.* The Early Danish-Muscovite Treaties, 1493–1523. Texts, Contexts, Diplomacy. Aarhus: Aarhus University Press, 2022. P. 19–22.

лагаемая классификация не идеальна. Тем не менее она позволяет яснее описать, из чего состоит комплекс источников.

Прежде чем перейти к обзору мирных соглашений, необходимо сделать ещё одно терминологическое уточнение. Комплекс документов, рассмотренных в этой главе, можно назвать «русско-шведскими» лишь условно. В этот период контрагенты постоянно менялись. Если сначала договоры заключались в Выборге, то к середине XVI столетия местом переговоров стал Стокгольм. Некоторые историки считают этот факт достаточным основанием, чтобы говорить о новгородско-выборгских отношениях в XV в. и русско-шведских отношениях в XVI в. соответственно[9]. Как кажется, подобный взгляд усложняет и без того непростую картину. Выборг всегда представлял Шведское королевство и никогда не защищал собственные интересы. Чтобы в дальнейшем избежать путаницы, применительно к договорам я использую условное обозначение «русско-шведские».

Русские и шведские дипломатические архивы раннего Нового времени: состав и сохранность

Документы, связанные с русско-шведскими перемириями, сохранились не полностью. Реорганизация управления, бесспорно, влияла на дипломатические архивы. После поражения Новгорода в 1478 г., казалось бы, весь его архив должен был переехать в Москву. Однако этого не произошло. Описи архива Посольского приказа трижды упоминают мирное соглашение ранее XVI в. Тем не менее речь шла не об оригинальной грамоте 1487 г., а о записи в посольской книге[10]. Более того, даже в 1530-е гг. русские дипломаты оправдывали затянувшиеся переговоры необходимостью ездить в Новгород за «древними грамотами», которые потребовали шведы[11]. По всей видимости, шведские документы ещё долго оставались там. И. П. Шаскольский тоже считал, что архивов было два: один в Москве, другой – в Новгороде. Позднее новгородский архив сгнил

---

[9] *Tarkiainen K.* Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017. S. 49.

[10] Опись архива Посольского приказа 1614 года // Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 118.; Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М.: ГАУ при СМ СССР, 1977. Ч. 1. С. 243; Опись 1673 года упоминает аналогичную запись уже в имперской посольской книге: Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подгот. к печати В. И. Гальцов: под ред. С. О. Шмидта. М.: ЦГАДА, 1990. Ч. 1. С. 105–106.

[11] Handlingar till upplysning af Finlands häfder / Utg. af A. I. Arwidsson. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1856. D. 8. S. 28–34.

в заброшенном здании, так как не был нужен московской администрации[12]. Вместе с ним пропали и договоры со Швецией XV в.

Московский же архив остался. Договоры XVI в. сначала попали в Царский архив. Так, Ореховецкий договор 1323 г., служивший основой для дипломатических отношений в XV–XVI вв., оказался в Москве только в 1537 г., когда шведские послы приехали для заключения нового перемирия[13]. Согласно описи Царского архива, доставил его Афанасий Курицын. Шведский экземпляр другой грамоты забрал из Новгорода Семён (Шарап) Замыцкий[14]. Опись не уточняет, о каком договоре идёт речь, однако А. А. Зимин считал его перемирием 1537 г[15]. Вероятно, так оно и было. Логично заключить, что Семён Замыцкий отправился послом в Швецию, чтобы утвердить договор, а затем шведский экземпляр привёз в Москву. Что касается остальных грамот (договоры 1504, 1510, 1513, 1524 гг.), то неизвестно, когда они попали в Царский архив. А. А. Зимин предположил, что, скорее всего, перемирие 1510 г. перевез из Новгорода Афанасий Курицын вместе с Ореховецким миром[16]. Однако реальных доказательств этого у нас нет. Не исключено, что грамоты первой половины XVI в. перевозили в Москву сразу после их утверждения. Таким образом, мы можем быть уверены только в том, что часть договоров перевезли в 1530-х гг.

Следует учесть, что в Швеции в середине XV в. не существовало единого собрания документов, равно как и в русских землях. На распределение архивных материалов неизбежно влияла Кальмарская уния 1397 г. Согласно договору об унии, Данией, Швецией и Норвегией должен был управлять один король. Он получал право вести внешнюю политику и заключать договоры с иностранными правителями от имени всех трёх скандинавских королевств[17]. Хотя историки по сей день ведут споры о

---

[12] *Шаскольский И. П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода // Вспомогательные исторические дисциплины. 1972. Т. 4. С. 213–228. С его точкой зрения согласился исследователь Царского архива С. О. Шмидт: *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. М.: Наука, 1984. С. 45–46. Историю новгородского архива также рассмотрел в своей работе Л. В. Черепнин, интересовавшийся договорами Новгорода с князьями. Его вывод об утрате новгородского архива согласуется с заключениями Шмидта и Шаскольского. Л. В. Черепнин оспорил популярный ранее тезис о том, что документы периода самостоятельности перевезли в Москву после 1478 г. По его наблюдениям в московском архиве почти нет оригиналов новгородских грамот, а имеющиеся подлинники пришли из архивов других княжеств. (*Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Ч. 1. С. 224–239.).

[13] Опись Царского архива XVI века // Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. С. 27.

[14] Там же. С. 28.

[15] Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А. А. Зимина; под ред. и с предисл. Л. В. Черепнина. М.: АН СССР, 1978. Ч. II. С. 266.

[16] Государственный архив России XVI столетия. С. 260.

[17] Договор об унии Дании, Швеции и Норвегии // «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. СПб.: Евразия, 2022. С. 182–190.

том, был ли договор о Кальмарской унии действующим юридическим документом[18], датские монархи действительно пользовались правом определять внешнюю политику Швеции. Это подтверждают русские посольства в Швецию и Данию XV–первой четверти XVI вв.

Косвенные свидетельства указывают на то, что в первой половине XV в. и ранее переговоры о судьбе Шведского королевства вели именно в Копенгагене, когда во главе унии стоял датский монарх. Упоминания о мирном договоре 1428 г. между Новгородом и странами Кальмарской унии отмечал У. С. Рюдберг. Из переписки короля Эрика Померанского с магистром Тевтонского ордена Паулем фон Русдорфом историк выяснил, что новгородские послы прибыли в Копенгаген и пригрозили войной, если они не получат назад земли, которые сто лет назад отошли к Швеции. Никаких грамот после переговоров в архивах не осталось, зато упоминания встречаются в переписке немецких купцов. В своих письмах в Дерпт они писали о заключенном мире между новгородцами и королём Эриком[19]. Границы между шведскими и русскими землями остались прежними.

Главой Кальмарской унии всегда становился датский монарх. Самые важные для управления документы передавались правителю всех трёх скандинавских стран, поэтому часть норвежских и шведских архивов оказалась в Дании[20]. Вполне естественно предположить, что некоторые русско-шведские договоры тоже попали в Копенгаген. Однако в датских архивах мы их не встречаем. Все известные соглашения XV–XVI вв. хранятся в Стокгольме. Датских монархов они не упоминают, хотя те не раз возглавляли унию. Почему так получилось? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно обратиться к истории датско-шведских отношений.

Пока держалась Кальмарская уния, между скандинавскими королевствами регулярно разгорались конфликты. Часто они заканчивались свержением короля в Швеции. В отсутствие коронованного лица страной управляли регенты, его «заместители». Очевидно, русские дипломаты быстро реагировали на меняющуюся обстановку и вели переговоры с фактическими правителями королевств. Ярким примером служат события 1490-х гг. За власть над Швецией в очередной раз шла борьба между датским королём Хансом и регентом Стеном Стуре Старшим. До ноября 1497 г. Данией и Швецией управляли разные лица. В этот период великий князь московский заключал договоры с датским и шведским правителями по отдельности: в ноябре 1493 г. и в марте 1497 г. соответственно.

Получив шведскую корону в 1498 г., король Ханс вступил в продолжительные переговоры с Иваном III относительно спорных территорий

---

[18] *Щеглов А. Д.* «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. С. 24–41.

[19] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 101–102.

[20] *Schück H.* Rikets brev och register. S. 20–24.

в Карелии[21]. Стоило датским королям восстановить своё господство в Швеции, как из России в Копенгаген отправлялись русские послы, чтобы решить противоречия на русско-шведской границе. После очередного шведского восстания в 1501 г. король Ханс потерял власть над страной, а последующие переговоры вели регенты, не учитывавшие интересы датчан[22]. Двадцать лет спустя чехарду прекратила шведская война за независимость, окончившаяся восшествием на престол Густава Васы и распадом Кальмарской унии. С тех пор датские и шведские короли переговоры с великими князьями вели отдельно. По удивительному совпадению дошедшие до нас русско-шведские соглашения заключали при регентах. Вероятно, по этой причине грамоты попали в архив Стокгольма, а не Копенгагена. Что касается первой половины XV в. и переговоров Эрика Померанского с новгородцами в частности, то материалы данного периода не сохранились.

Когда Густав Васа занял трон, у него под рукой не оказалось документов, на которые можно бы было опереться при переговорах с великим князем московским. В Швеции ещё не существовало единого государственного архива, и документы были распределены по разным регионам. Письма и акты средневековых королей часто попадали в кафедральные соборы. Как правило, предпочтение отдавали соборам Уппсалы и Линчёпинга. Позднее у правителей появились собственные архивы, нередко располагавшиеся в замках. Русско-шведские договоры традиционно хранились в Выборге. С началом переустройства Королевской канцелярии в 1540-х гг. собирали старые документы по всей стране. Материалы, имевшие государственное значение, передавали в Стокгольм из кафедральных соборов, монастырей и замков, а из Выборгского замка перевезли русско-шведские договоры[23].

Для шведского делопроизводства было характерно создание большого количества копий. Со средневековыми актами обращались очень бережно, поэтому для повседневных нужд делали копии и пользовались ими[24]. Чаще всего тексты русско-шведских соглашений встречаются в книгах из коллекции Muscovitica (далее «Мусковитика»), Королевской регистратуры, регистрах регентов Стуре и епископа линчёпингского Ханса Браска.

---

[21] *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. С. 146–148.

[22] Восстание отчасти было спровоцировано тем, что русские послы, будучи в Стокгольме, потребовали от короля Ханса выполнить условия русско-датского договора 1493 г., по которому России должны были отойти карельские погосты Саво, Яаски и Эуряпяя, т. е. шведские территории (*Kirkinen H.* Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki: Kirjayhtymä, 1976. S. 61–62).

[23] *Schück H.* Rikets brev och register. S. 16–30.

[24] *Ståhl P.* Diplom och kopieböcker // Kodex: Boken i medeltidens Sverige / red. J. Nordin. Lund: Mediehistorikst arkiv, 2022. S. 313–317.

Иногда копийную книгу называют «регистратурой» или «регистром» (реестром). Регистры принадлежали как конкретным людям, так и учреждениям (например, риксроду или Королевской канцелярии). Основное различие исследователь Г. Шюк видит в их функции. В частные копийные книги переписывали документы (письма, акты), имевшие большое политическое или административное значение. Однако юридической силой эти копии не обладали. К подобным книгам относились регистры Ханса Браска, Сванте Стуре и Стена Стуре Младшего. Зато регистры риксрода, напротив, могли заменять собой официальные грамоты[25].

Помимо архивов Браска и регентов Стуре наиболее важные для темы русско-шведских отношений копийные книги можно найти в собраниях «Королевская регистратура» и «Мусковитика». «Королевская регистратура» состоит из томов, сгруппированных по годам. Туда заносили копии важных государственных документов, исходящих из королевской канцелярии. Учреждение появилось лишь в правление Густава Васы, поэтому делопроизводство велось с 1523 г., когда его избрали королём. Поскольку копии создавались быстро[26], они были близки по времени к созданию оригинала, т.е. их можно отнести к первой половине XVI в.

В отличие от «Королевской регистратуры», в «Мусковитике» собраны только материалы, касающиеся России. Изначально её материалы тоже были частью архива королевской канцелярии, но по мере развития государственных учреждений дипломатические документы были выделены в отдельное собрание[27]. В коллекцию входят как подлинники, так и копии. Оригиналы русско-шведских договоров второй половины XV – первой половины XVI в. погибли в пожаре 1697 г., зато их тексты сохранились в копийных книгах «Мусковитики»[28], создание которых также принято относить к XVI в.

О более ранних копиях русско-шведских договоров нам ничего не известно. Дело в том, что один из старейших регистров времён правления регента Стена Стуре Старшего, так называемый «Королевский регистр» (Registrum regni), пропал в 1520-е гг. во время шведской войны за независимость. Некоторые историки предполагают, что его увёз епископ Стренгнесский, Йенс Андерсен, ставленник датского короля[29]. По другой версии это сделал Густав Тролле, архиепископ Уппсальский, выступавший на стороне датчан[30]. В любом случае регистр покинул пределы

---

[25] *Schück H.* Rikets brev och register. S. 455.

[26] *Svalenius I.* Rikskasnliet i Sverige 1560–1592. Stockholm: Riksarkivet, 1991. S. 60–68.

[27] *Krommow Å.* The Diplomatica Collection // The Diplomatica Collection in the Swedish National Archives. Stockholm: LiberFörlaget/Allmänna Förlaget, 1980. P. 5–10.

[28] RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 646, 647, 654.

[29] *Ståhl P.* Diplom och kopieböcker. S. 316–317.

[30] *Schück H.* Rikets brev och register. S. 29.

Швеции, и его след теряется в Нидерландах в 1530-х гг. Тогда же датчане вывезли архив Стуре[31].

Изучая регистры и регистратуры, Г. Шюк пришёл к выводу, что чёткой границы между ними провести невозможно[32]. И те и другие содержат копии документов, чаще всего в хронологическом порядке. В то же время книги могут просто упоминать материалы без передачи самого текста. В настоящей статье я употребляю те названия, которые приняты в каталогах Государственного архива Швеции.

Благодаря большому количеству копий современные историки могут составить представление о содержании русско-шведских договоров. Пожар в Стокгольмском замке 1697 г. уничтожил все известные мирные трактаты, заключенные между серединой XV и серединой XVI столетий. О том, что они действительно хранились в королевском архиве, мы знаем из более поздних описей. Чаще всего историки обращаются к материалам Э. Л. Рунелля[33], который в XVII в. составил девять описей: пять хронологических (ER:A–E) и четыре тематических (ELR:A–D). Шифры даны в соответствии с личной системой Рунелля. Каждой описи присвоена буква. Самая ранняя обозначена буквой A, а самая поздняя – E (хронологический регистр[34]) и D (тематический регистр). Исследователи преимущественно используют только последнюю версию ER:E, составленную около 1676 г. Там они черпают информацию о документах, не переживших пожар. Тем не менее в предыдущих версиях есть много деталей, которые ER:E опускает[35].

Шведский историк И. Фридлендер помимо описей Рунелля упомянула ещё три перечня: 1585, 1589 и 1590 гг.[36] С их помощью она реконструировала внешний вид оригинальных договоров, в том числе писчие материалы и языки, на которых они составлялись. Часть этих сведений не учитывали описи Рунелля.

---

[31] Архиву Стуре повезло больше. Он хранился в Дании, пока в 1929 г. не был передан в Государственный архив Швеции: *Fritz B.* De svenska medeltidsbrevens tradring till 1800-talets början: En historisk översikt // Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1976–1977 (1980). Reviderad och försedd med uppgifter om senare litteratur. 2009.

[32] *Schück H.* Rikets brev och register. S. 457.

[33] Рунелль описывал государственные документы почти 40 лет вплоть до своей смерти в 1686 г. За свои заслуги в архивном деле он получил дворянский титул и фамилию Пальмшёльд (Erik Palmskiöld (Runell-) // Svenskt biografiskt lexicon. URL: https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=8014&forceOrdinarySite=true#Arkivuppgifter (дата обращения: 12.07.2025).

[34] В шведской историографии описи Рунелля также называют регистрами. В отличие от регистров Ханса Браска и регентов Стуре, Рунелль ограничивался перечислением документов, но не копировал их текст и лишь изредка комментировал содержание. Таким образом, о чётком разделении описей и регистров говорить не приходится.

[35] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning. S. 97–138.

[36] Ibid.; Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1877. D. 1. S. 436.

Русские архивы в раннее Новое время пострадали не меньше шведских. На первую половину XVII в. пришлись события, нарушившие хранение документов. Подобно шведским, русские архивы тоже дробились и переезжали во время военных конфликтов. Часть документов шведы и поляки независимо друг от друга вывезли в Смуту[37]. Часть погибла в московских пожарах. Настоящей катастрофой для дипломатических источников стал пожар 1626 г., после которого была составлена опись архива Посольского приказа[38]. Эта опись, равно как и другие описи XVII в., содержит ценные сведения о судьбе русско-шведских договоров.

Русско-шведские договоры (1468–1537 гг.)

Сегодня в нашем распоряжении находится около десятка договоров о перемирии, заключенных в 1460–1550-е гг. Первым известным соглашением не только за рассматриваемый период, но и в целом после Ореховецкого мира 1323 г., является апрельский договор 1468 г. Это было перемирие, заключенное на пятилетний срок между Швецией и Великим Новгородом. Условия были обычные: не нарушать границу и предоставить купцам безопасный проезд. Из описей Рунелля мы узнаём, что в Стокгольме до пожара 1697 г. ещё оставались оригинальные тексты на русском и шведском языках, записанные на бумаге. Столетием ранее со шведской версии была снята копия для «Мусковитики»[39]. Именно по этой копии сегодня историки исследуют договор 1468 г.

Соглашение уже имело стандартные, как мы увидим в дальнейшем, черты русско-шведских договоров. Наиболее яркой из них был один их способов утверждения грамот – целование креста. Эта была, безусловно, русская особенность, необходимая для установления мира или перемирия с иноземными правителями[40]. Причём в русско-шведских договорах она появилась отнюдь не в 1468 г., а уже при составлении первого, Ореховецкого, договора 1323 г.: «А хто изменит хрестеноие целование, на того Бог и Святая Богородиця»[41]. Для шведских договоров с другими странами крестное целование не характерно.

---

[37] Например, см. судьбы новгородского оккупационного архива: *Löfstrand E., Nordquist L.* Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm: Riksarkivet, 2005. S. 1. P. 13–26, и Царского архива: *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия. С. 13–26.

[38] Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 6.

[39] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 292–293.

[40] *Юзефович Л.* Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 280–294.

[41] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 2-е изд. / Сост. И. Ю. Анкудинов. М.: Изд. Дом ЯСК, 2025. С. 59–60.

Далее в тексте идёт подробное описание того, как договор заверяли. Помимо уже упомянутой присяги на кресте представители сторон должны были поставить свои подписи и печати. Печати крепились двумя способами. Если для создания документа использовали бумагу, то печати ставили прямо на неё. Если употребляли пергамен, то печати подвешивали[42]. Поскольку договор 1468 г. записали на бумаге, печати ставили прямо на него. Такое заключение следует не только из логики, но и из самого текста. По отношению к печатям был использован глагол «trykkia» (совр. «trycka»), который имеет значение «надавить», «нажимать», «напечатать», но никак не «подвесить». Всего их было пять – две от русских послов, две от бургомистров Выборга и одна – Петера Дьекна, который в тот момент замещал наместника Выборга, так как последний отсутствовал.

Договор 1468 г. ставит перед историками вопросы, на которые пока сложно найти ответы. Например, текст на шведском языке составлен в Выборге от лица русских послов. Отсюда следует закономерный вопрос: был ли он просто переводом или оригиналом? Наличие на нём печатей, которые явно ставили на бумагу, и описания Рунелля склоняют в пользу последнего. В таком случае выходит, что в середине XV в. при заключении перемирия составляли две грамоты на русском и на иностранном языке – шведском или немецком[43]. Обе, видимо, могли иметь почти идентичный текст, изначально составленный на русском языке, а затем переведённый на шведский. Мы знаем только о документах, сохранившихся в Швеции. Русские послы должны были увезти в Новгород хотя бы одну грамоту (или две по аналогии с теми, что остались в Выборге). Эта грамота не могла попасть в опись Рунелля, так как физически её не было в королевском архиве, а новгородцы описей своего архива не составляли, поэтому о других экземплярах, если они были, мы ничего не знаем. Допустимо, что у каждой стороны оставалось по две заверенные грамоты на нескольких языках: одна на русском и одна на немецком или шведском.

Апрельское перемирие 1468 г. продержалось всего несколько месяцев. Вскоре условия снова были нарушены. Шведская сторона обвиняла русских в постоянных нападениях в районе границы. В августе было заключено новое соглашение. Как и в случае с апрельским предшественником, договор сохранился только в виде копии в «Мусковитике». Судя по всему, выглядел он почти так же: записан в Выборге на бумаге с печатями новгородских послов, выборгских бургомистров и наместника. На этот раз бумага была указана только в одной из хронологических описей Рунелля

---

[42] *Щеглов А. Д.* «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. С. 25.

[43] Среднешведский и средненижненемецкий соответственно.

(ER:C)[44], но способ прикрепления печатей совпадал с предыдущим – их придавливали к грамоте[45]. Главным отличием, не считая новых условий в содержании, стал немецкий язык, который был использован вместо шведского. Кроме того, договор, вероятно, был переведён с русского языка. Так, его дата была указана не от Рождества Христова, а от Сотворения мира, что не характерно для шведских документов.

По истечении срока перемирия необходимо было заключить новое, что и было сделано в 1473 г. Тогда к новгородцам прибыли послы от выборгского наместника Эрика Аксельссона и договорились о новом перемирии на один год и последующей встрече на Вуоксе, чтобы решить пограничные споры[46]. О дальнейшей судьбе этих переговоров мы ничего не знаем. Попытки договориться фиксировал У. С. Рюдберг, однако финальным договором мы не располагаем[47].

Внешне договор 1473 г. мало отличался от 1468 г. Тем не менее его содержание важно в контексте дискуссии о русско-шведской границе[48]. На протяжении всего XV в. в текстах соглашений заметно стремление уточнить границы. В договоре 1473 г. впервые появилось условие, по которому представители шведских и новгородских земель должны были встретиться у границы и вместе её проверить. Раньше было достаточно придерживаться старых рубежей. Дополнительной проверки они не требовали. Новое условие позволило финскому историку К. Катаяле сделать вывод об усилившемся влиянии Москвы на внешнюю политику Новгорода. По его мнению, московское правительство пыталось понять, на какие территории распространялась его власть[49]. Тезис, впрочем, не бесспорный. Одних лишь текстов соглашений явно недостаточно, чтобы его обосновать. Новое условие относительно границы могло появиться по иными причинам. Не исключено, что обе стороны переговоров устали от многолетних конфликтов на приграничных территориях и решили их урегулировать, в том числе, письменно. Не стоит забывать, что ещё при Эрике Померанском, в первой половине XV в., новгородские послы поднимали

---

[44] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning. S. 130.

[45] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 294–296.

[46] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. S. 325–327.

[47] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. S. 338–340.

[48] Обзор историографии на шведском языке *Gallén J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östrgräns. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1968. D. 1. S. 1–38. (до 1968); *Gallén J., Lind J.* Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östrgräns Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1991. D.2. S. 250–413 (между 1968 и 1991 годами); на русском языке – *Толстиков А. В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского: лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. 25 с.

[49] *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A.* Viipurin läänin historia. III: Suomenlahdelta Laatokalle. [Lappeenranta]: [Karjalan kirjapaino], 2010. S. 114.

вопрос о возвращении земель. Это противоречит тезису К. Катаялы, согласно которому, конфликты из-за границы начались только во второй половине XV в[50].

Радикальные изменения последовали сразу за окончательным подчинением Новгорода Москве в 1478 г[51]. В договоре о четырёхлетнем перемирии 1482 г. мы видим соглашения между Швецией и Россией, а не между Швецией и Новгородом, как было раньше. Место посадника, архиепископа и тысяцкого среди контрагентов заняли великий князь Иван III и его сын Иван Молодой. От их имени выступали новгородские наместники, фактически заключавшие договор. К концу десятилетия, начиная с 1487 г., шведские контрагенты тоже изменились. Выборгских наместников вытеснили в текстах правители Швеции (регенты, короли). Стен Стуре Старший оказался первым правителем королевства (и не датским королём), который выступил в качестве контрагента в русско-шведском соглашении.

В условиях появилось много подробностей, вплоть до имён тех, к кому можно было обращаться в случае конфликтов. Кроме того, в условиях о соблюдении границ появилась ссылка на Ореховецкий мир. По-видимому, тогда же обе стороны обсуждали вопрос о более точном определении границы[52]. В данном нововведении А.В. Толстиков увидел «симптом серьёзного изменения ситуации, формирования новых субъектов отношений на Севере Европы – раннемодерных государств»[53]. Действительно – и Швеция, и Россия в это время обретали свои территории (в первом случае через борьбу за независимость от Дании, а во втором – через присоединение княжеств) и выстраивали централизованное управление.

Писчий материал тоже постепенно менялся. В 1482 г. из двух грамот на русском и шведском языках только для первой был использован пергамен[54], а с 1487 г. **все** экземпляры, упомянутые в описях XVI–XVII вв., были записаны на пергамене независимо от языка[55]. С тех пор договоры записывались на пергамене за одним исключением, о котором подробнее будет сказано ниже.

---

[50] *Katajala K., Kujala A., Mäkinen A.* Viipurin läänin historia III: Suomenlahdelta laatokalle. S. 113.

[51] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 360–362.

[52] *Толстиков А. В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского: лекция. С. 9–10.

[53] *Толстиков А. В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского: лекция. С. 10.

[54] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning. S. 131.

[55] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning. Фридлендер снова ссылается на описи XVI в. В данном случае есть больше оснований им доверять, так как немецкий перевод фиксирует замену слова «gedruck» на «gehangen» по отношению к печатям.

В 1497 г. было заключено перемирие на шесть лет после русско-шведской войны[56]. Соглашение 1497 г. с большой вероятностью было первым за долгие годы подобным документом на латыни. Как можно было убедиться ранее, предыдущие дипломаты чаще пользовались немецким и шведским языками. С 90-х гг. XV в. латынь оставалась неизменным языком русско-шведских соглашений до 1557 г[57].

Таким образом, в течение 1480-х гг. произошли значительные изменения в порядке заключения договоров. Вместо бумаги стали использовать пергамен. Латынь превратилась в единственный официальный язык грамот, которые получали русские послы. Важным политическим нововведением были контрагенты. С русской стороны великий князь вытеснил из текста Новгород, посадника и тысяцкого ещё в 1482 г., а правитель Шведского королевства впервые был записан по имени вместо выборгского наместника в 1487 г. Договоры теперь составлялись в Новгороде, а не в Выборге. Такой порядок заключения договора сохранялся до самого конца рассматриваемого периода. Вполне возможно, что здесь проявилась тенденция, характерная для правления Ивана III в 1480-х гг. Примерно к этому времени Л. В. Черепнин отнёс изменения формуляра духовных завещаний и княжеских докончаний[58]. Не исключено, что пересмотру подверглись и договоры с правителями других государств.

Когда срок договора 1497 г. подошёл к концу, было составлено новое соглашение. В 1504 г. время его действия увеличили до двадцати лет[59]. Период небольшой, но уже тогда он заметно выделялся на фоне стандартных сроков, варьировавшихся в пределах пяти лет.

Помимо сроков существенных изменений в порядке заключения договора не произошло. Как и в прошлый раз, в Стокгольм отправили две пергаменные грамоты на русском и латыни[60]. Их оригиналы исчезли уже к XVII в. В опись Рунелля попало только упоминание о копии. По этой причине И. Фридлендер отметила, что нам неизвестно, был ли договор окончательно утверждён[61]. Замечание справедливо для шведских

---

[56] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 448–451.

[57] Согласно описи Рунелля, оригинал был на немецком (Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1888. D. 4. S. 306).

[58] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. С. 460; *Черепнин Л. В.* Документы московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III // Труды историко-архивного института / Под ред. А. И. Андреева. М.: МГИАИ, 1946. Т. 2. С. 3–67.

[59] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 502–506.

[60] О языке соглашений известно из письма Эрика Турессона (Finlands medeltidsurkunder / Utg. af R. Hausen. Helsingfors: Statsrådets tryckeri, 1930. D. VI. S. 342–345).

[61] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning. S. 132–133.

архивных источников, но не для русских, к которым у исследовательницы доступа в 1940-х гг. не было. Из описания посольской книги 1480-х–1530-х гг. мы узнаём, что договор 1504 г. был ратифицирован: «Да в 7014-м году, после преставленья великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, приезд из Свей государевых посланников Степана Замыцково да Шиха Мякинина, а сказали, что в Свее на перемирной грамоте крест целовали; да приезд в Новгород свейских послов Герика Петрова с товарищи о мирном подкрепленье и подкрепили перемирье по прежним перемирным грамотам»[62].

Составители русских перечней XVII в. имели на руках договоры не древнее 1510 г. О более ранних грамотах они узнавали из посольской книги, которая фиксировала соглашения, начиная с перемирия 1487 г. между Иваном III и Стеном Стуре Старшим. Однако опись 1614 г. подробно описывает только те грамоты, которые находились в архиве на момент её создания. Самые старые относились к мирным переговорам 1510 г. Их результатом стали две грамоты (русская и шведская), к каждой из которых подвешено по пять печатей[63]. Именно этот договор позднее продлевали несколько раз до самой смерти великого князя Василия III. О его содержании известно по копиям в «Мусковитике» и регистратуре Сванте Стуре, хранящихся в государственном архиве Швеции. С большой вероятностью оригинал погиб в огне 1626 г.

Считается, что договор 1510 г. продлевался несколько раз – в 1513 и 1524 гг. Статус этих документов стал камнем преткновения для шведских историков. С версией, согласно которой, это соглашение продлевали в 1513 и 1524 гг., спорит И. Фридлендер[64]. По её мнению, чтобы продлить договор, надо было заново подвешивать печати и приносить клятвы именно над оригинальными грамотами 1510 г. Создание же новых грамот она расценивала как заключение нового перемирия, а не продление старого. Отчасти такой взгляд сложился из-за фрагмента шведского экземпляра 1524 г., где русские дипломаты обещали скрепить печатями «древнюю перемирную грамоту» после прибытия в Швецию. В тексте договора различали «древнюю перемирную грамоту» (antiqua pacifica littera[65]) и просто «перемирную грамоту» (pacifica littera). «Древним» называли предыдущий договор, т. е. тот, что был заключен в 1510 г.

Мнение И. Фридлендер вызывает возражения. В целом создание новых грамот для подтверждения старых было явлением обычным. В данном случае внимание следует обратить именно на содержание. А содержание почти всех документов, касавшихся договоров 1513 и 1524 гг., говорят

---

[62] Опись архива Посольского приказа 1614 года. С. 118.

[63] Опись архива Посольского приказа 1614 года. С. 82.

[64] *Friedlaender I.* De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning. S. 133.

[65] «Pacifica» можно перевести и как «мирная», но здесь речь идёт именно о перемирии.

о продлении старого перемирия 1510 г. Во-первых, в описях XVII в. к этим датам относятся «подкрепленья по **прежним/старым перемирным грамотам**»[66]. Иногда специально уточняли, что речь шла о том самом перемирии на 60 лет. Во-вторых, в текстах договоров 1513 и 1524 гг. прямо сказано, что они обновляют 60-летнее перемирие времён Сванте Стуре[67]. В-третьих, в 1537 г. одним из главных аргументов шведских послов в споре о договоре 1535 г. был тот факт, что их предшественники заключили новый договор, а не продлили старый, как должны были. Иными словами, необязательно было заново скреплять печатями старый договор, чтобы он продолжил своё действие, как посчитала И. Фридлендер. Поэтому договоры 1513 и 1524 гг. можно уверенно расценивать как продления договора 1510 г.

В отличие от предыдущих соглашений, грамоты 1513 и 1524 гг. сохранились в русских архивах в подлинниках. Документ 1513 г. назван в описи РГАДА подлинным договором между Стеном Стуре Младшим и Василием III[68]. Его вид довольно необычный[69]. С одной стороны, он написан на пергамене, материале недешёвом, аккуратным полууставом без помарок, а также украшен инициалом. Почерк, которым написан документ, был характерен для XVI столетия, поэтому более поздней копией или подделкой его назвать нельзя. С другой стороны, у грамоты 1513 г. нет печатей и подписей, необходимых, чтобы признать договор действующим.

Его текст – дополнительный аргумент в пользу того, что соглашение 1513 г. не было оригиналом. Начинается он со слов «Мы, послы Гестен Стуровы…»[70]. Текст от лица шведских послов, написанный на русском языке, наводит на мысль, что перед нами либо предварительная версия на русском языке, которую затем перевели на иностранный и передали шведским послам, либо перевод с иностранного языка. Таким образом, грамоту 1513 г. нельзя считать оригинальным договором.

Что собой представляет документ 1524 г., определить намного сложнее, так как доступ к нему ограничен[71]. По этой причине мы вынуждены собирать весьма противоречивую информацию из косвенных источников.

---

[66] Опись архива Посольского приказа 1614 года. С. 81–82.

[67] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3. S. 579–581; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. Ч. 5. С. 100–102.

[68] Сношения России с Швецией – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг. Опись 3. Трактаты // РГАДА. URL: http://rgada.info/poisk/index2.php?str=96-opis_3&opisanie=Сношения%20России%20с%20Швецией%20-%20(коллекция)%20из%20фондов%20Боярской%20Думы,%20Посольского%20приказа,%20Посольской%20канцелярии,%20Коллегии%20иностранных%20дел%201718-1719%20гг.%3Cbr%3EОпись%203.%20Трактаты (дата обращения: 23.01.2025).

[69] РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 1.

[70] Там же.

[71] Согласно описи РГАДА, подлинник был передан в МИД СССР по акту от 19.06.1952 г.

Впервые о наличии некоего документа 1524 г. в архиве Посольского приказа мы узнаём из описей XVII в., но их сведения уже содержат разногласия. Например, в 1614 г. речь шла не об одном, а о двух документах: договор о перемирии и его копия на русском языке[72]. Составители описи 1626 г. уточнили, что в архиве от 1524 г. осталась лишь грамота на русском языке с подписями шведских послов[73]. Соответственно, можно заключить, что из двух текстов после пожара 1626 г. сохранился один русский экземпляр. В XIX в. договор опубликовал У. С. Рюдберг[74], а вскоре появилась и русская публикация в Собрании государственных грамот и договоров[75]. Однако во всех изданиях был латинский текст.

Что произошло с русской копией, сейчас едва ли получится установить. Между тем, у историков нет единого мнения и относительно статуса латинской версии. С точки зрения Х. Йерне, древнейший сохранившийся документ 1524 г. был гарантийным письмом (förpligtelsebrev), данным новгородскому наместнику[76]. У. С. Рюдберг, напротив, считал его договором между Россией и Швецией[77]. Описи XVII в. в данном случае не столько помогают, сколько сбивают с толку. В них нет ни слова о латинском экземпляре.

В публикации У. С. Рюдберга также встречается любопытный комментарий: договор в русском архиве дошёл до нас на бумаге[78]. Для раннего Нового времени бумага была обычным писчим материалом. Тем не менее с 1490-х гг. и на протяжении всего XVI в. русско-шведские договоры были оформлены на пергамене. Соглашение 1524 г., записанное на бумаге, заметно выбивается из традиции.

В шведской истории уже встречались прецеденты, когда странное оформление документа особой государственной важности порождало дискуссию длиной в несколько столетий. Упомянутый ранее договор о Кальмарской унии тоже был записан на бумаге. Печати стояли прямо под текстом, а не на оборотной стороне, как полагалось, и их количество не совпадало с количеством свидетелей договора. К концу XIV в. для соглашений столь высокого статуса употребляли пергамен. Нехватка печатей также заставила историков задуматься о том, имел ли документ об унии юридическую силу[79]. Дискуссия во многом сходна с обсуждением русско-шведского договора 1524 г.

---

[72] Опись архива Посольского приказа 1614 года. С. 81.

[73] Опись архива Посольского приказа 1626 года. С. 165.

[74] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 4. S. 74–78.

[75] СГГД. Ч. 5. С. 100–102.

[76] *Hjärne H.* De äldsta svensk-ryska legationsakterna. Uppsala: R. Almqvist & J. Wiksell's boktryckeri, 1884. S. I.

[77] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D.4. S. 74–76.

[78] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 4. S. 74–76.

[79] *Щеглов А. Д.* «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. С. 24–25.

Обычно подобные загадки так и остаются неразгаданными. Можно выдвигать множество предположений, почему в тех или иных случаях использовали бумагу, а не пергамен. По одной из версий для договора о Кальмарской унии, документ специально был оформлен не по правилам, чтобы сохранялась возможность быстро его аннулировать[80]. Точно такая же логика работает по отношению к русско-шведскому договору 1524 г. Особенно убедительной она становится в свете его ратификации.

Договор 1524 г. вступил в силу не сразу, а через три года. Шведская сторона не была довольна его условиями. Весной 1526 г. король отправил в Россию новое посольство во главе с Эриком Флемингом, который должен был добиться новых выгод для шведской торговли и решить приграничные конфликты. Поводом для повторного рассмотрения условий стало то, что договор 1524 г. был заключён в Новгороде. Следовательно, по словам шведов, великий князь мог не знать о результате переговоров[81].

Осенью 1526 г. атмосфера накалилась ещё больше, когда в Москву прибыл Северин Норбю[82]. Датский адмирал искал поддержки для Кристиана II, свергнутого с датского и шведского престолов. Это обстоятельство заставило шведскую аристократию опасаться сближения Василия III и Кристиана II, а также провала дипломатической миссии Флеминга[83]. Впрочем, Василий III не предоставил свою помощь Северину Норбю, и страхи оказались напрасны. После долгих споров о приграничных конфликтах русско-шведский договор всё же был ратифицирован в 1527 г.

Обстановка, в которой проходили переговоры, теоретически могла побудить шведских дипломатов оформить договор на бумаге, чтобы при необходимости его отменить. Однако эта гипотеза не более убедительна, чем любая другая. С таким же успехом можно вспомнить инцидент 1524 г. Когда послы возвращались к шведскому королю для подтверждения договора, русский экземпляр утонул в море между Або и Стокгольмом. В экстренной ситуации дипломаты решили использовать латинский перевод, к которому русские послы прикрепили свои печати. Запись об этом есть в регистратуре Густава Васы. Придерживались ли решения до конца, сказать сложно, так как запись по неизвестной причине была вычеркнута из регистратуры[84]. Не исключено, что шведский экземпляр тоже мог утонуть, и при недостатке пергамена его записали заново на бумаге. Как бы то ни было, убедительного объяснения, почему для договора 1524 г.

---

[80] *Щеглов А. Д.* «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. С. 40

[81] Konung Gustaf den förstes registratur / Utg. af Riksarkivet; genom Joh. Ax. Almquist. Stockholm: P.A. Norstedt & söner, 1865. B. III. S. 142–144.

[82] *Larsson L. J.* Sören Norby, Moskva och Grönland // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1979. B. 45. H. 1. S. 69.

[83] Konung Gustaf den förstes registratur. B. III. S. 314–317, 421–424.

[84] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 4. S. 88–89.

использовали бумагу, пока нет. Если не считать писчего материала, соглашение полностью соответствует остальным русско-шведским договорам, Удостоверительные знаки служат убедительным доказательством его официального характера.

Последним перемирием до середины XVI в. должен был стать договор 1535 г. Уже была составлена пергаменная грамота, текст которой даже попал в «Мусковитику»[85], но в силу она так и не вступила. Шведская сторона настаивала на пересмотре условий[86]. Дело в том, что договор 1535 г. был новым соглашением, а не продлевал перемирие 1510 г., как того хотели в Стокгольме. Шведские послы Кнут Андерссон и Бьёрн Классон добивались возвращения к договору 1510 г. Однако русские дипломаты наотрез отказались это делать[87].

С точки зрения делопроизводства, качественных изменений не произошло. В шведских архивах осталось два экземпляра – русский и латинский[88], вероятно, на пергамене. За утверждением снова последовала ратификация, список которой сохранился в Государственном архиве Швеции[89]. Копия русского экземпляра должна была храниться в Москве. Её текст был дословно передан в послании Ивана Грозного к шведскому королю Юхану III, записанного в посольской книге 1572–1577 гг[90]. Благодаря ей нам известен русский текст грамоты. Оригинал в российских архивах не сохранился. Копия из РГАДА[91] была списана в XVIII в. из посольской книги. Шведские архивы также не сохранили оригиналы, зато копии встречаются сразу в нескольких томах «Мусковитики»[92].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление договоров позволило сделать несколько наблюдений. Всего 27 из 52 упомянутых в источниках документов дошли до наших дней. Иными словами, в распоряжении историков есть половина текстов,

---

[85] RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 646.

[86] RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 1. Fol. 49–53.

[87] Если бы шведам удалось достичь своей цели, то В. В. Похлебкин был бы прав, назвав договор 1537 г. продлением перемирия 1510 г.: *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах и фактах. С. 157–158). Однако, поскольку результатом переговоров стало новое соглашение, то и утверждение В. В. Похлебкина следует признать ошибочным.

[88] Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 4. S. 181–185.

[89] Ibid. S. 185–189.

[90] Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л.: АН СССР, 1951. С. 148–160.

[91] РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 3.

[92] RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 646. Fol. 61–73.; RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 654. Fol. 14–16.

о наличии которых сохранилась информация. Однако документов могло быть больше. Например, в прилагаемой таблице указаны только русские договоры XV в., упоминавшиеся в описях шведского архива. Логично предположить, что в русских архивах тоже оставались шведские экземпляры. Поскольку об их существовании мы точно не знаем, то и в таблицу они не попали.

В настоящий момент установить, сколько среди них было оригиналов, не представляется возможным. Раз сами документы не сохранились, то остаётся пользоваться сведениями из описей XVI–XVII вв. Информация в них весьма противоречивая. Случай с грамотами 1513 и 1524 гг. из российских архивов убеждает нас в том, что договорами (в данном варианте – «договорная запись») могли называть, как оригиналы, заверенные печатями, так и переводы без корроборации. К тому же, если сравнить упоминания в русских и шведских описях о соглашении 1510 г., то выходит, что его составляли сразу на трёх языках, что не соответствует привычному двуязычию договоров того времени. С большой вероятностью два из четырех документов, обозначенных в описях как «договоры», окажутся переводами. Однако при отсутствии оригиналов доказать это невозможно.

По отношению к рубежу XV–XVI вв. говорить о традиционной процедуре создания русско-шведских договоров рано. В большинстве своём они отличались друг от друга либо по писчим материалам, либо по языку, либо по количеству документов, либо по условиям и т. д. Тем не менее тенденции проследить можно. Во-первых, во второй половине XV в. происходит постепенный переход от бумаги к пергамену. Было ли это связано с подъёмом престижа договоров, установить сложно. Мы не знаем точного статуса этих документов, как было сказано выше.

Во-вторых, с 1482 гг. резко меняется содержание договоров. В условиях появляется много деталей, вплоть до имён судей, решавших приграничные конфликты. Примечательно, что, когда Густав Васа впервые заключал договор с великим князем, нововведения 1480-х гг. пропали из текста. Вероятно, это было связано с архивным хаосом после войны за независимость и отсутствием под рукой у шведских послов старых образцов соглашений. Начиная со следующих переговоров, почти все условия вернулись.

В-третьих, русско-шведские соглашения со временем усложнялись. В начале XVI в. к стандартному набору грамот добавилась ратификация. Стоит уточнить, что шведы в течение всего XV столетия составляли дополнительный документ, подтверждавший соглашение. Ратификации сопровождали договоры с Норвегией, Данией, Ливонским орденом и Францией[93]. В отношениях с русскими землями они появились только

[93] Примеры см. в Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar. D. 3.

в 1513 г. Можно предположить, что они были и раньше, но этому утверждению противоречат записи шведских копийных книг, в которых вели строгий учёт ратификаций. Ни в регистрах современников (Сванте Стуре), ни в более поздних сборниках («Мусковитика») копий ранее 1513 г. нет. Таким образом, в начале XVI в. шведская ратификация уравновесила русскую крестоцеловальную клятву.

Ещё одним усложнением можно считать ссылку на Ореховецкий мир. Впервые грамота князя Юрия и короля Магнуса упоминается только в 1482 г. Предыдущие соглашения 1468 и 1473 гг. обходились без неё. Это обстоятельство побуждает меня вновь поднять вопрос о статусе Ореховецкого договора. По мнению И. П. Шаскольского, он был «вечным миром», который нельзя прерывать войной[94]. Позволю себе не согласиться. С 1323 г., когда был заключён Ореховецкий мир, и до середины XVI в. (даже до самого конца столетия, если продлить повествование до ближайшего Тявзинского «вечного мира») между шведами и русскими постоянно возникали вооружённые конфликты вплоть до открытых войн. Почему такое откровенное нарушение не означало конец «вечного мира»? Более того, если считать Ореховецкий договор действовавшим до 1595 г., то выходит, что его одного было недостаточно, раз потребовалось дополнительно заключать перемирия, которые к тому же продлевали новыми грамотами. Таким образом, мы имеем сложную трёхступенчатую конструкцию, не считая ратификаций. Допустим, Ореховецкий договор всё же имел юридическую силу, тогда всё равно непонятно, почему вдруг понадобилось включить его в тексты перемирий в 1480-е гг., но не раньше.

Складывается впечатление, что на Ореховецкий договор ссылались скорее как на исторический источник, а не реально действующий документ. Стоит повторить, что упоминался он в перемириях только с 1482 г., только в контексте русско-шведской границы и только после окончательного подчинения Новгорода к Москве. По условиям соглашений конца XV – первой половины XVI вв., обе стороны должны были придерживаться рубежей, описанных в грамоте князя Юрия и короля Магнуса. Прежде хватало показаний свидетелей.

Из вышесказанного следует вывод, что с конца XV в. в русско-шведских отношениях возрастает роль подтверждений и старины, которые необходимо записывать[95]. Теперь дипломаты требовали предоставить ратификации и копии древних грамот. Так, в 1537 г. шведские послы,

---

[94] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. С. 121–122.

[95] Тенденция в целом характерна для многих стран во второй половине XV века. См. примеры в кн.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV–первой трети XVI в. 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2019. С. 292; *Ерусалимский К. Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 665–666.

находившиеся в Москве, потребовали от русской стороны показать им Ореховецкий договор, чтобы удостовериться в подлинности грамоты, на которую та ссылалась[96]. Тогда же к соглашению 1323 г. начали обращаться летописцы[97]. Со временем внимание к прошлому лишь усиливалось. Об этом говорят не только многочисленные копии, рассмотренные мной ранее. Мы можем наблюдать, как в Швеции в XVI–XVII вв. создавали специальные описания русско-шведских отношений за предыдущие столетия[98], а события многовековой давности становились важным аргументом в посланиях русских царей[99]. Таким образом, отсылка к Ореховецкому миру, появившаяся в договорах конца XV в., по-видимому, отразила тенденцию к письменному закреплению прошлых дипломатических контактов.

Подводя итоги, хочется ещё раз обратить внимание на то, что почти все русско-шведские договоры второй половины XV – первой половины XVI вв., имеющиеся в нашем распоряжении, дошли в виде копий. Исключение составляет только шведский экземпляр договора 1524 г., переданный в МИД. Остальные подлинники либо сгинули в пожарах, либо истлели. Однако на этот же период пришлось налаживание дипломатического делопроизводства, которое включало в себя создание нескольких копий и переводов оригинальных документов, что помогло сохранить некоторые тексты.

На материале мирных соглашений мы можем судить о важных тенденциях рубежа XV–XVI вв. Для русско-шведских отношений особое значение имеет централизация дипломатического архива в обоих государствах. Она демонстрирует, что, как в Москве, так и в Стокгольме начинали контролировать дипломатические контакты, которые раньше обходились без вмешательства из центра. Изменились контрагенты, место заключения договоров, а следовательно, изменились и сами русско-шведские отношения.

ИСТОЧНИКИ

Архивные:

РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 1, 3.
RA. Codices A. Vol. A 3–6.
RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 1, 646, 647, 654, 656.
RA. Manuskriptsamlingen. Vol. 1.
RA. Riksregistraturet. Vol. 1.

---

[96] RA. Diplomatica Muscovitica. Vol. 1. Fol. 8f–9.

[97] *Толстиков А.В.* Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского: лекция. С. 7.

[98] Например, подборку событий между 1293 и 1561 гг. можно посмотреть в RA. Manuskriptsamlingen. Vol. 1.

[99] Послания Ивана Грозного. С. 140–157.

RA. Runells och Silentz förteckningar och register. Vol. 1–5, 7, 11.
RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1.
UUB. Den ämnesindelade handskriftssamlingen. Vol. E 175.

Опубликованные:

Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции: В 3 ч. / Подг. текста и коммент. А. А. Зимина; под ред. и с предисл. Л. В. Черепнина. М.: АН СССР, 1978.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. 2-е изд. / Сост. И. Ю. Анкудинов. М.: Изд. Дом ЯСК, 2025.

Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подг. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М.: ГАУ при СМ СССР, 1977. Ч. 1.

Опись архива Посольского приказа 1673 года / Подг. к печати В. И. Гальцов; под ред. С. О. Шмидта. М.: ЦГАДА, 1990. Ч. 1.

Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М., Л.: АН СССР, 1951.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. Ч. 5.

Finlands medeltidsurkunder / Utg. af R. Hausen. Helsingfors: Statsrådets tryckeri, 1930. D. VI.

Handlingar till upplysning af Finlands häfder / Utg. af A. I. Arwidsson. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1856. D. 8.

Konung Gustaf den förstes registratur / Utg. af Riksarkivet; genom Joh. Ax. Almquist. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1865. B. III..

Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1877. D. 1.

Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1895. D. 3.

Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. af O. S. Rydberg. Stockholm: P. A. Norstedt & söner, 1888. D. 4.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Сношения России с Швецией – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг. Опись 3. Трактаты // РГАДА. URL: http://rgada.info/poisk/index2.php?str=96-opis_3&opisanie=Сношения%20России%20с%20Швецией%20-%20(коллекция)%20из%20фондов%20Боярской%20Думы,%20Посольского%20приказа,%20Посольской%20канцелярии,%20Коллегии%20иностранных%20дел%201718-1719%20гг.
Опись%203.%20Трактаты (дата доступа: 23.01.2025).

Erik Palmskiöld (Runell-) // Svenskt biografiskt lexicon. URL: https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=8014&forceOrdinarySite=true#Arkivuppgifter (дата доступа: 12.07.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

Ерусалимский К. Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI века // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 664–731.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М.: Квадрига, 2019.

Лукин П. В. «Весь господарь Великий Новгород» в германоязычных документах XV века // Slověne. 2023. Т. 12. № 2. С. 83–96.

Лукин П. В. Ореховецкий договор 1323 г. между Новгородом и Швецией и древнерусская политическая терминология XIV–XV вв. // Средние века. 2024. Вып. 85. № 3. С. 86–107.

Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах и фактах. М.: Международные отношения, 1995. Вып. II. Кн. 1.

Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского: лекция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019.

Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980.

Черепнин Л. В. Документы московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III // Труды историко-архивного института / Под ред. А. И. Андреева. М.: МГИАИ, 1946. Т. 2. С. 3–67.

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Ч.1.

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987.

Шаскольский И. П. Судьба государственного архива Великого Новгорода // Вспомогательные исторические дисциплины. 1972. Т. 4. С. 213–228.

Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия. М.: Наука, 1984.

Щеглов А. Д. «Навеки вместе»: Швеция, Дания и Норвегия в XIV–XV веках. СПб.: Евразия, 2022.

Юзефович Л. Путь посла: Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.

Friedlaender I. De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning // Historisk tidskrift. 1946. H. 2. S. 97–138.

Fritz B. De svenska medeltidsbrevens tradring till 1800-talets början: En historisk översikt // Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1976–1977 (1980). Reviderad och försedd med uppgifter om senare litteratur. 2009.

Gallén J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östrgräns. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1968. D. 1.

Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östrgräns Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1991. D. 2.

Hjärne H. De äldsta svensk-ryska legationsakterna. Uppsala: R. Almqvist & J. Wiksell's boktryckeri, 1884.

Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia. III: Suomenlahdelta Laatokalle. [Lappeenranta]: [Karjalan kirjapaino], 2010.

Kirkinen H. Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki: Kirjayhtymä, 1976.

Krommow Å. The Diplomatica Collection // The Diplomatica Collection in the Swedish National Archives. Stockholm: LiberFörlaget/Allmänna Förlaget, 1980. P. 5–10.

Larsson L. J. Sören Norby, Moskva och Grönland // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1979. B. 45. H. 1. S. 67–81.

Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm: Riksarkivet, 2005.

Pape C. The Early Danish-Muscovite Treaties, 1493–1523. Texts, Contexts, Diplomacy. Aarhus: Aarhus University Press, 2022.

Schück H. Rikets brev och register. Stockholm: LiberFörlag/Allmänna Förlaget, 1976.

Ståhl P. Diplom och kopieböcker // Kodex: Boken i medeltidens Sverige / red. J. Nordin. Lund: Mediehistorikst arkiv, 2022. S. 299–325.

Svalenius I. Rikskasnliet i Sverige 1560–1592. Stockholm: Riksarkivet, 1991.

Tarkiainen K. Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017.

REFERENCES

Cherepnin L. V. Documents of the Archive of the Grand Prince of Moscow and their significance in the political struggle under Ivan III // The Proceedings of the Historical and Archival Institute / Ed. by A. I. Andreev. Moscow: MGIAI, 1946. Vol. 2. P. 3–67 (in Russian).

Cherepnin L. V. Russian Feudal Archives of the 14th–15th Centuries. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Science, 1948. P. 1 (in Russian).

Palmskiöld Er. (Runell-) // Svenskt biografiskt lexicon. URL: https://sok.riksarkivet.se/sbl/Presentation.aspx?id=8014&forceOrdinarySite=true#Arkivuppgifter (accessed: 12.07.2025).

Erusalimskiy K. Iu. History at Diplomatic Service: Diplomacy and Memory in XVI Century Russia // History and Memory: Historical Culture of Europe before the Modern Age / Ed. by L. P. Repina. Moscow: Krugh, 2006. P. 664–731 (in Russian).

Friedlaender I. De medeltida svensk-ryska fredstraktaterna 1323–1513: en diplomatarisk undersökning // Historisk tidskrift. 1946. H. 2. S. 97–138.

Fritz B. De svenska medeltidsbrevens tradring till 1800-talets början: En historisk översikt // Meddelanden från Svenska Riksarkivet för åren 1976–1977 (1980). Reviderad och försedd med uppgifter om senare litteratur. 2009.

Gallén J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östrgräns. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1968. D. 1.

Gallén J., Lind J. Nöteborgsfreden och Finlands medeltida östrgräns Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1991. D.2.

Hjärne H. De äldsta svensk-ryska legationsakterna. Uppsala: R. Almqvist & J. Wiksell's boktryckeri, 1884.

Iusefovich L. Ambassador Path: Russian Ambasadorial Tradition. Everyday Life. Etiquette. Ceremonial. Saint-Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2007 (in Russian).

Katajala K., Kujala A., Mäkinen A. Viipurin läänin historia. III: Suomenlahdelta Laatokalle. [Lappeenranta]: [Karjalan kirjapaino], 2010.

Khoroshkevich A.L. The Russian State in the System of International Relations of the Late 15th–Early 16th Century. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian).

Kirkinen H. Karjala taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä II. Helsinki: Kirjayhtymä, 1976.

Krom M. M. Between Rus' and Lithuania: Borderlands in the System of Russian-Lithuanian Relations of the Late 15th–First Third of the 16th Century. 3rd edition. Moscow: Kvadriga, 2019 (in Russian).

Krommow Å. The Diplomatica Collection // The Diplomatica Collection in the Swedish National Archives. Stockholm: LiberFörlaget / Allmänna Förlaget, 1980. P. 5–10.

Larsson L. J. Sören Norby, Moskva och Grönland // Scandia: Tidskrift för historisk forskning. 1979. B. 45. H. 1. S. 67–81.

Lukin P.V. «All Soverign Novgorod-the-Great» in Fifteenth Century Documents in Germanic Languages // Slověne. 2023. Vol. 12. № 2. P. 83–96 (in Russian).

Lukin P.V. The Treaty of Nöteborg (Oreshek) between Novgorod and Sweden (1323) and Old Russian Political Terminology of the 14th–15th Centuries // Sredniie veka. 2024. Issue 85. № 3. P. 86–107 (in Russian).

Löfstrand E., Nordquist L. Accounts of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm: Riksarkivet, 2005.

Pape C. The Early Danish-Muscovite Treaties, 1493–1523. Texts, Contexts, Diplomacy. Aarhus: Aarhus University Press, 2022.

Pokhlyobkin V.V. Foreign Policy of Rus, Russia, USSR for 1000 Years, in Names, Dates and Facts. Moscow: International relations, 1995. Issue II. B. 1 (in Russian).

Schlück H. Rikets brev och register. Stockholm: LiberFörlag/Allmänna Förlaget, 1976.

Shaskol'skiy I. P. The Struggle of Russia to Maintain Access to the Baltic Sea in the XIV century. Leningrad: Nauka, 1987 (in Russian).

Shaskol'skiy I. P. The Fate of the State Archive of Novgorod the Great // Auxiliary historical disciplines. 1972. Vol. IV. P. 213–228 (in Russian).

Shcheglov A. D. «Together Forever»: Sweden, Denmark and Norway in the XIV–XV Centuries. Saint-Petersburg: Euraziia, 2022 (in Russian).

Shmidt S. O. The Russian State in the Middle of XVI the Century. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian).

Ståhl P. Diplom och kopieböcker // Kodex: Boken i medeltidens Sverige / red. J. Nordin. Lund: Mediehistorikst arkiv, 2022. S. 299–325.

Svalenius I. Rikskasnliet i Sverige 1560–1592. Stockholm: Riksarkivet, 1991.

Tarkiainen K. Moskoviten: Sverige och Ryssland 1478–1721. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2017.

Tolstikov A.V. The Northwestern Border of the Novgorod Land and Muscovite Rus' in the XIV–XVI Centuries: From the Treaty of Nöteborg to the Treaty of Teusina: Lecture. Petrozavodsk: Petrozavodsk Sate University Publishing House, 2019 (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (ранее – Центральный государственный архив древних актов)

RA, Riksarkivet (RA) – Национальный архив Швеции

UUB (Uppsala universitetsbibliotek) – Библиотека Уппсальского университета

Выявленные версии русско-шведских договоров и их ратификаций (1468–1537)[100]

Дата	Тексты	Статус	Упоминания
10 апреля **1468**	Договор на русском языке	Утерян	ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
	Договор на шведском языке	Утерян	ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
	Копия шведского текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
15 августа **1468**	Договор на русском языке	Утерян	ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C
	Договор на немецком языке	Утерян	ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C
	Копия немецкого текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
20 января **1473**	Договор на шведском языке	Утерян	ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D[101]
	Копия шведского текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
17 января **1482**[102]	Договор на русском языке	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (опись 1589 г.)
	Договор на шведском языке	Утерян	RA, Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (опись 1589 г.)
	Копия шведского текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
Ноябрь **1487**[103]	Договор на немецком языке	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1589, 1590 гг.); ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D

[100] В таблице приняты следующие сокращения: RA – Riksarivet; UUB – Uppsala Universitetsbibliotek; ER обозначает хронологические описи Рунелля; ERL – тематические описи Рунелля. Все описи Рунелля хранятся в RA. Runells och Silentz förteckningar och register. Соотношение шифров и томов выглядит следующим образом: Vol. 1 – ER:A; 2 – ER:B; 3 – ER:C; 4 – ER:D; 5 – ER:E; 7 – ELR:C; 11 – ELR:D.

[101] Во всех описях датирован 1463 г.

[102] Упоминание договора без уточнения языка и количества экземпляров встречается в описях 1585 и 1590 гг.; RA. Runells och Silentz förteckningar och register. Vol. 1 (ER:A); ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D.

[103] Упоминание договора без уточнения языка и количества экземпляров встречается в описях 1614, 1626 и 1673 гг.; описи 1585 г.; ER:A. В описях ER:C, ER:E и ELR:D указан шведский язык.

	Договор на русском языке	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1589, 1590 гг.); ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
	Копия немецкого текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
	Копия немецкого текста	Утеряна	RA. Codices A. Vol. A 3 (Biskop Magnus kopiebok)
3 марта **1497**	Договор на русском языке	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1589, 1590 гг.); ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
	Договор на латыни	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (опись 1589, 1590 гг.); ER:A[104]; ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
	Копия латинского текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
	Копия латинского текста	UUB. Den ämnesindelade handskriftssamlingen. Vol. E 175 (Afskrifter och utdrag af Svenska handlingar från medeltiden)	
14 сентября **1504**	Договор на русском языке	Утерян	RA. Codices A. Vol. A 4 (Svante Nilssons kopiebok)
	Договор на латыни	Утерян	RA. Codices A. Vol. A 4; ER:A[105]
	Копия латинского текста[106]	RA. Muscovitica. Vol. 646	
	Копия латинского текста	Svante Nilssons kopiebok	
Март **1510**[107]	Договор на русском языке	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (опись 1590 г.)

[104] Язык не указан.

[105] Язык не указан.

[106] В описях Рунелля упомянута копия латинского текста. Неизвестно, была ли она одной из сохранившихся копий или иным списком (ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D).

[107] Упоминание договора без уточнения языка и количества экземпляров встречается в RA, Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1585, 1589 гг.); ER:A; ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D.

	Договор на латыни	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (опись 1590 г.)
	Договор на русском языке	Утерян	Опись Посольского приказа 1614 г.
	Договор на шведском языке	Утерян	Опись Посольского приказа 1614 г.
	Копия латинского текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	
	Копия латинского текста	Svante Nilssons kopiebok	
	Копия шведского перевода	RA. Muscovitica. Vol. 646	
9 мая **1513**[108]	Договор на русском языке	Утерян	ER:C; ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
	Русский перевод шведского экземпляра	РГАДА. Ф. 96. Оп. 3. Д. 1	Опись Посольского приказа 1673 г.
	Шведский перевод русского экземпляра	RA. Codices A. Vol. A 6 (Hans Brasks kopiebok)	
	Копия шведского перевода	RA. Riksregistraturet. Vol. 1	
	Ратификация на латыни	Утеряна	
	Копия ратификации	RA. Codices A. Vol. A 5 (Sten Sture d.y.:s kopiebok)	
3 апреля **1524**	Договор на латыни	МИД[109]	
	Договор на русском языке	Утерян	RA. Riksregistraturet. Vol. 1
	Копия на русском языке	Утеряна	Опись Посольского приказа 1614 г.
	Копия латинского текста	RA. Riksregistraturet. Vol. 1	
	Латинский перевод русского договора	RA. Riksregistraturet. Vol. 1	
	Ратификация	Утеряна	
	Копия ратификации на шведском языке	RA. Riksregistraturet. Vol. 1	
25 марта **1535**	Договор на латыни	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1585[110], 1590 гг.); ER:B; ER:A[111], ER:D; ER:E

[108] Упоминание договора без уточнения языка в описях Посольского приказа 1614 и 1626 гг.

[109] Согласно описи РГАДА.

[110] Ошибочно датирован 1543 г.

[111] Язык не указан.

	Договор на русском языке	Утерян	ER:B; ER:D; ER:E
	Копия латинского текста[112]	RA. Muscovitica. Vol. 646	
	Копия русского текста	Утеряна	ELR:C; ELR:D
	Ратификация	Утеряна	ER:D; ER:E; ELR:C; ELR:D
25 марта **1537**[113]	Договор на латыни	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1585, 1589, 1590 гг.)
	Договор на русском языке	Утерян	RA. Äldre inventeringslistor och leveransreversal. Vol. 1 (описи 1585, 1589, 1590 гг.)
	Копия латинского текста	RA. Muscovitica. Vol. 646	ELR:C; ELR:D
	Копия шведского перевода	Утеряна	ELR:C; ELR:D
	Копия шведского перевода	RA. Muscovitica. Vol. 646	
	Копия шведского перевода	RA. Muscovitica. Vol. 647	
	Копия шведского перевода	RA. Muscovitica. Vol. 654	
	Копия шведского перевода	RA. Muscovitica. Vol. 656	
	Копия русского текста	Шведская посольская книга 1572–1577 гг.	
	Ратификация	Утеряна	ER:B
	Копия ратификации на шведском языке	RA. Muscovitica. Vol. 647	

[112] В описях Рунелля упомянута копия латинского текста. Неизвестно, была ли она сохранившейся в «Мусковитике» копией или иным списком (ELR:C; ELR:D).

[113] Упоминание договора без уточнения языка и количества экземпляров встречается в ER:A и ER:B. В описях ER:D и ER:E указан как ратификация договора 1535 г.